

О «ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ»: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ, И НЕ ТОЛЬКО*

О.И. Валентинова**

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается проблематика семинара по филологической герменевтике, которая раскрывается не только в рамках интерпретации текстов различного рода, но и онтологических проблем гуманитарных наук, интеллектуального и духовного пространства, мысли и словотворчества.

Ключевые слова: филология, герменевтика, проблема понимания—непонимания, психофизиология, семиотические системы, интертекстуальность.

В ноябре 2010 г. при кафедре общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов начал работать научный семинар «Филологическая герменевтика». В открытии этого семинара отразилась давно ощущаемая потребность студентов и преподавателей, аспирантов и научных сотрудников в создании общего, устроенного на демократических началах, интеллектуального и духовного пространства, где можно было бы рассмотреть вопросы, связанные с особенностями понимания и интерпретации различных семиотических систем.

Известно, что непонимание психофизиологических особенностей процесса восприятия, новаторски выведенных в свое время выдающимся отечественным библиофилом Н.А. Рубакиным в его книге «Психология читателя и книги», нередко приводит к конфликту даже внутри научного сообщества. Поэтому именно с обсуждения этой проблемы научный семинар и начал свою работу, посвятив свое первое заседание анализу семиотических причин «скандала», вызванного докладом П.А. Флоренского «Магия слова», который был сделан на заседании религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева в 1919—1920 гг.

В этом докладе П.А. Флоренский развивал идеи, высказанные в работе «Смысл идеализма». За отсутствием необходимого термина П.А. Флоренский употребил слово «магия» в смысле гораздо более широком, чем принято в богословской науке. Несмотря на сделанное П.А. Флоренским уточнение того значения, в котором он употребил слово, обычно связываемое только с «низшими безблаготными силами природы», его доклад был встречен с раздражением. Обсуждение

* Рец. проф. Е.А. Красина (РУДН), проф. П.В. Морослин (МСИ).

** Проф. О.И. Валентинова — организатор и научный руководитель семинара «Филологическая герменевтика».

психофизиологического механизма непонимания, возникшего между докладчиком и слушавшей его аудиторией, и было в фокусе нашего внимания.

Начиная с первого дня работы, а семинар работает на постоянной основе, мы стремились к тому, чтобы — по возможности — удовлетворить и познавательный, и эмоциональный интерес участников семинара. Отсюда наша готовность к обсуждению самых разнообразных проблем: от семиотической культуры восприятия древнерусского изобразительного искусства (декабрьское заседание 2010 г.) до особенностей моделирования действительности в языке власти (октябрьское заседание 2011 г.); от стилистических показателей, свидетельствующих об обмирщении сознания средневекового человека (ноябрьское заседание 2011 г.), до методик оценки проявлений словесного экстремизма в современном российском обществе (апрельское заседание 2011 г.); от установления семиотического статуса пошлости в жизни и в искусстве (мартовское заседание 2012 г.) до семиотики комического (декабрьское заседание 2011 г.); от значения образного мышления для науки (февральское заседание 2011 г.) до онтологического смысла «красоты» и духовных последствий эстетической неграмотности (мартовское заседание 2011 г.).

Апрельское заседание, завершившее сезон 2011—2012 академического года, изменило наше не только весьма скудное, но и, как выяснилось, искаженное представление об эстетической ситуации в современной российской поэзии и стало событием в жизни семинара: у исследователей появилась возможность сверить содержание, которое они приписывают тексту, с содержанием, которое подразумевается автором.

Парадоксальность происходящего стала ощущаться почти сразу.

Уже через несколько минут невозможно было понять, кто для кого на этой встрече стал в большей мере «объектом изучения»: то ли московские поэты Дмитрий Веденяпин и Сергей Преображенский и их стихи стали для нас «объектом изучения», то ли мы со своим недостаточным читательским контекстом стали «объектом изучения» для поэтов.

Обнаруженный масштаб несовпадения «графического текста» с «текстом акустическим», воспроизводимым голосом автора, вызвал почти потрясение. Дмитрия Веденяпина едва ли не каждое стихотворение просили перечитывать по несколько раз, чтобы осознать хотя бы основной вектор этого несовпадения. Неожиданное для нас акустическое решение текста вывело на поверхность неожиданные смысловые пласты:

Больше чем, меньше чем, больше
Снега, ветра, вечера, жизни
За окном — взгляд на окно снизу
Сквозь летящий снег, сквозь толщу
Жизни — что здесь такого:
Снег на мокрой варежке, ветер...
К новой жизни будьте готовы! —
В распахнувшемся — ах! — свете.

Мы, конечно, не можем передать здесь ни спокойно-уравновешенного тембра голоса, ни особого повествовательного ритма, характерного для манеры чтения Дмитрия Веденяпина. Сдержанность может быть очень выразительной. Не можем

мы графически передать и много другого. Как, например, передать интонацию то ли рассуждения, то ли просто «взвешиванья»: *больше—меньше* — в начале первого стиха? Мы могли бы вместо запятых поставить многоточия: «Больше чем... меньше чем...», — но это было бы неверно, потому что поэт читал без глубоких пауз и не удлинял гласные. Не помог бы и знак вопроса: не было ни неуверенности, ни сомнения. А последнее «*больше*» поэт прочитал, как отдельное предложение: как выбранное, понятное, найденное, окончательно решенное. Надо бы поставить восклицательный знак (правда, какой-то особый, сдержанный) или точку, но тогда мы бы потеряли иную связь: «Больше снега, ветра, вечера, жизни за окном». А как графически передать усиление этого перечисления «снега, ветра, вечера, жизни за окном»? И почему тогда «жизнь» оказалась «за окном»? Почему «жизнь» больше «вечера», мы могли бы объяснить, а почему больше «вечера» «жизнь за окном», объяснить уже сложнее.

«Мокрая варежка, — говорит поэт, — это варежка ребенка. И «взгляд на окно снизу» — взгляд ребенка. Снизу смотрит ребенок. А «распахнувшийся свет» — смерть». А у нас было другое стихотворение, совсем другое: у нас — все смотрят на окно снизу, а тот, у кого мокрая варежка, стоит давно, очень давно. Варежка может быть и у девушки, у женщины. О ребенке мы не подумали. У мужчины будут рукавицы. У нас на окно снизу смотрела девушка или женщина. А распахнувшийся свет был для нас то ли надеждой, то ли радостью, но не смертью. А сколько стихотворений было в самом тексте? И куда ведут такие плотные рифмы: *больше — толщю, жизни — снизу, такого — готовы, ветер — свете?*

Поэзия Сергея Преображенского — другая, совсем другая: расточительно образная, она и грамматически другая, и почти всегда гипертрофированно интертекстуальная, даже на фоне гипертрофированной интертекстуальности всей современной поэзии:

Дрозды на подкрылках
несут голубую зарю —
Тату из рябины, ресницами ставшей на горло.
В хрусталике синем дисперсно
написано: «Пью»,
Но это не тот, кто слепой, кто с клешней...

Если прочитать в этом стихотворении «Пью» как имя героя «Острова сокровищ» еще можно, то хоть в какой-то мере сносно совместить свой контекст с целостным контекстом художника — задача почти невозможная. Можно, конечно, слово за словом выпытывать этот контекст у самого автора, погружаясь в чужое ассоциативное поле имен, ритмов, мыслей, фраз. И мы начали это делать, и делали с удовольствием, пока не стала очевидной неожиданная для всех собравшихся мысль: считываемая читателем обращенность произведения искусства и художника к иным, внетекстуальным фактам (то, что и называют интертекстуальностью) не расширяет, а сужает смысловое пространство текста, делает его ограниченным. А значит, разобравшись с отсылками вовне, надо ограничить их влияние на наше восприятие текста и искать внутритекстовые ориентиры понимания.

Сейчас для нас безусловно стало понятным одно: факт искусства, длящийся в настоящем времени, когда о сделанном можно говорить как о делаемом и говорить с субъектом этого искусства, — должен стать предметом исключительного интереса длящейся в настоящем времени науки. Современную отечественную поэзию, а эта поэзия — высокая, необходимо актуализировать в исследовательской мысли. В обратном случае: теряет не поэзия, а наука.

В октябре семинар продолжит свою работу. Наш принцип работы — прежний: мы обсуждаем то, что интересно многим, к общим встречам готовятся все. Созданный еще до беседы исходный уровень компетенции всех участников семинара — залог интересного разговора.

ON “PHILOLOGICAL HERMENEUTICS”: ESSAY OF TEXT INTERPRETATION, AND EVEN MORE

O.I. Valentinova

The General and Russian Linguistics Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article reviewed treats the issues tackled in course of the seminar on philological hermeneutics which is being revealed not just within the frame of interpreting texts of various kinds, but ontological background of humanities, intellectual and spiritual sphere, thought and word creativity.

Key words: philology, hermeneutics, the issue of understanding-misunderstanding, psychophysiology, semiotic systems, intertextuality.